

УДК 101.1:316.343

ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНЫХ МАСС

С. Н. ГРИБОВ*Тульский
государственный
университет**e-mail: serg45@inbox.ru*

С привлечением трудов крупнейших философов и мыслителей XX века (К. Ясперс, Ортега-и-Гассет, Х. Арндт, Г. Маркузе) анализируется феномен социальной массы в современном обществе и культуре. Уточняются социально-культурные причины производства масс, механизмы взаимодействия политической власти и массы.

Ключевые слова: масса, нигилизм, легитимная позиция, аморализм, власть.

Нарастание интереса к феномену масс наблюдается в эпоху Нового Времени (хотя отдельные и по-своему глубокие суждения о ней обнаруживаются и в Античности и в Средние века), а в современном хронологическом контексте проблема только получает повышенную актуальность. Внимание к ней проявляют как социальные психологи, привычные к постановке «диагнозов», так и известные философы, в трудах которых она ставится еще более масштабно и остро. В отличие от узких клиницистов, обращающихся к проблеме, когда она уже становится откровенной патологией, философ наблюдает, анализирует и предвидит события пусть и не столь явные, но симптоматичные. В данном отношении суждения о социальных и культурных особенностях массы в различных ее аспектах – дистанцированности от власти, инертности, аморфности, невосприимчивости к высокой культуре обнаруживаются еще в той же греческой и римской античности. Однако для анализа целесообразно выбрать те философские теории, которые соответствуют времени концептуального оформления термина «массы», когда масса действительно становится насущной проблемой, т.е. XIX-XX века.

В наше время философия Ф. Ницше приобрела свою обновленную актуальность, или, можно сказать, только в наше время она подлинную актуальность и обрела (достаточно ознакомиться с материалами сайтов, посвященных Ницше) в связи с той же проблемой распространения и усиленного доминирования культуры масс. Ницше один из первых «симптоматиков» от философии, кто выступил с резкой критикой современного общества, вынеся ему приговор: «омассовление». Тем более что Ницше свидетельствует о времени, когда «масса» еще не проявила себя столь отчетливо, насколько это мог наблюдать в двадцатом столетии Ортега-и-Гассет или Маркузе, в этом смысле он действительно «прозорлив», предложивший понятия и оценочные дефиниции, которые в модернизированных оттенках позже обнаруживаются у того же Ортеги или даже постмодернистов.

Насколько оправданным является использование ницшеанских метафор «рабов», «плебеев», «стада» применительно к массам, если в наше время последние открыто претендуют на занятие ниши «господ»? Конечно, если иметь ввиду исторический аспект происхождения массы, то подход немецкого философа, как и основоположника психологии толпы Лебона, реализуем в понятиях количества – слабых бесконечно больше, чем наделенных силой и властью, и качества – массы состояются из худших. Если говорить о положении дел и в XIX столетии, и в наши дни, Ницше, вероятно, согласился бы, что под личиной современного либерализма, феминизма и всеобщего равенства прав, ущербная «чернь» разрастается до размеров «массы», причем таких, что сама же вынуждает к собственному обузданию. Да, в эпоху Ницше душа *ressentiment* еще «укрывается и ищет лазеек», но сейчас она находит вполне легализованное положение за счет отождествления с формально или неформально признанным лидером. Во времена Ницше она содержит скрытое и держится на скрытом, но в дальнейшей перспективе, скрытость преобразовалась в замкнутость на собственное «Я», которое затем развоплощается в идентификациях с фигурами власти.

С первых десятилетий XX века «масса» становится устойчивым понятием в тезаурусе культуры, хотя всестороннее и глубокое понимание данный феномен получает по-

философски *post factum* к середине столетия, когда и были выделены его сущностные черты. Это: интеллектуальная и культурная ограниченность при неограниченном росте потребностей, откуда ее преимущественно зависимое положение от тех, кто потребности удовлетворяет, – идеологически, экономически и культурно самостоятельных социальных структур, сопровождающееся манифестацией самодовольства и возведением собственной ограниченности в культ. О последнем во многом позаботилась идеология либерализма и гуманизма, исходя, в частности, из задач компенсации ощущения неполноценности массы от исторически укоренившегося сознания «избыточности» к прочему социуму.

Философия экзистенциализма о массе: К. Ясперс

Ясперс соглашается признать – в наше время весьма возможна утрата всего наследия культуры, накопленного человечеством с начала «осевого времени». Главная опасность современности и маркирующий ее признак: *массы становятся решающим фактором в происходящих событиях* (фраза выделена самим Ясперсом)¹. Ницше, соглашается Ясперс, действительно оказался пророком в своем предвидении тотального нигилизма, который оформил идейное содержание нынешней культуры. Приход общества к нигилизму для религиозного мыслителя сопряжен с утратой веры и духовно подготовлен тремя значимыми событиями предшествующих веков – идеологией Просвещения, французской революцией конца XVIII в. и философским идеализмом. В совокупности они обусловили переход от единства веры к могуществу разума, породившего соблазн отказа от традиционных авторитетов и иерархии ценностей (культура утратила своего великого Другого, как констатируют позднейшие исследователи. Например, эстетик В.В. Бычков отмечает: ушедшая от нравственно-этических, религиозных регулятивов наука сразу же превратилась в раба капитала и была ориентирована в два главных рула – милитаризацию общества и производство предметов, форм, институтов соблазна²). Вера сменяется господством идеологий, призванных легализовать самообман для маскировки скрытых меркантильных интересов и устраняться от решений реальных проблемных ситуаций. Подобно социальным психологам (в их числе Лебон, Тард, Сигеле, Московичи), Ясперс повторяет ставшую сакраментальной идею о бессодержательности массового сознания, отсутствии личностного начала и способности к нивелировке индивидуализирующих качеств и в то же время к воспроизводству иллюзии осмысленного целевого действия, обольщение которой ведет к безрассудству, буквально по тексту: «люди в массе легко могут потерять голову...»³.

С материальной точки зрения социальный и культурный кризис порожден последствиями прогресса науки и техники. Техническое развитие привело к появлению обесмысленного труда, пустых развлечений ради заполнения досуга, экзальтации, рутины без воспоминаний, где один день жизни похож на другой, а главное – к возникновению социальной атмосферы, в которой люди лишены естественных корней, исконного социально-культурного окружения, что и оказалось стимулирующим фактором фабрики массовой личности.

Ясперс акцентирует многозначность истолкования массы как социокультурного феномена. Под «массой» можно понимать всю совокупность населения (в этом смысле она существовала всегда), и временное собрание людей, объединенных общностью реакции и поведения в ответ на некий факт (тогда она быстро исчезает, т.е. это «толпа» в интерпретации Лебона), и неполноценную «толпу», наличие «некоей усредненности, чье существование своим массивированным давлением определяет все...»⁴. Сам философ не поясняет, какую из трех дефиниций он предусмотрел для предпочтений в определениях массы. Тем не менее вполне отчетливо избирательность его суждений указывает на последнюю, что подтверждается его дифференциациями понятий массы и народа, массы и публики.

Народ – нечто структурированное, субстанциальное и качественное, человек из народа сохраняет себя, личные качества, благодаря той же народной силе, от которой он

¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 141.

² Бычков В.В. Эстетика. М.: Гардарики, 2004. С. 305.

³ Ясперс К. Там же. С. 144.

⁴ Там же. С. 142.

получает энергию бытия. Публика, в отличие от народа, предполагает не единство, а множественность (квантитативность), она приходит на смену народу, как только последний перестает жить «полной жизнью», силы которой хватало бы для самодостаточного существования. Публика уже лишена характера, но пока еще способна на выработку собственного мнения, на что, в частности, делает ставку заигрывающий с ней кумир, генератор идей и вдохновений – писатель⁵ (данная мысль, возможно, родилась у Ясперса под воздействием теории публики Г. Тарда).

Представляется существенным – Ясперс один из первых, кто строит эволюционную картину социального производства масс. Исходное, «нормальное» состояние общества соответствует «народу». По мере совершенствования коммуникационных технологий его сменяет «публика», в свою очередь, вытесняемая «массой», и в этом проявляется закономерность истории. Оправдание подобных трансформаций философ находит в механике перехода от статики структур традиционного общества, обеспечивающейся доминантой религиозной веры, к изменчивости и многообразию рационально сконструированного капиталистического мира (данный аспект более четко проработан у Фромма). С утратой уверенности индивида в социальной защищенности, крепнет единство масс, во многом выстроенное на принципе «анти», т.е. альтернативного самопозиционирования: «если человек ничего собой не представляет, он, по крайней мере «анти», – замечает философ⁶. «Анти» в отношении чего? В отношении всего, что мыслится причиной собственных неудач и унижений, т.е. чего угодно – капитализма, либерализма, марксизма, еврейства и т.д. Фундирующим принципом массовости оказывается радикальная оппозиционность позитивному и конструктивному содержанию, что и выражается в ее нигилизме. Распад традиционных ценностей продуцирует «разоблачающее мышление», занятое лишь процедурами разрушения, оно же становится господствующим – не наступление ли эры постмодернистской деконструкции здесь предвидел немецкий философ?

Тем не менее, Ясперс убежден: «масса не есть нечто окончательное», она только стадия существования на промежуточном этапе распада человеческого бытия, и здесь путь истории неминуемо ведет через массы. Примечательно, но стратегия преодоления подобного фазиса выдвигается почти ницшеанская (по логике, вероятно, другого и не найти – от одной крайности диалектически следует откат в сторону другой): формирование «аристократии» духа, т.е. уникальной единичности, противостоящей как социальному нажиму «снизу», так и политическому террору «сверху». Рекомендации, предлагаемые при этом философом, не слишком конкретны – устранение все еще сохраняющейся несправедливости, рост свободы, из чего скорее можно сделать вывод относительно состояния настоящего (масса несвободна, она однородна и подавляет индивидуализирующие признаки), нежели перспектив будущего. Но для Ясперса очевидно одно: отказ от борьбы за свободу личности неизбежно приведет к новому «непредвиденному ужасу беспочвенного существования масс»⁷.

Ортега-и-Гассет: «Восстание масс»

Ортега-и-Гассет совершенно определенно находится в числе мыслителей, усматривающих главный «недуг нашего времени» в небывалом росте влияния масс. Буквально: «Особенность нашего времени состоит в том, что заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду»⁸. Современная социальная реальность, по мнению испанского философа, впервые оказалась отданной на откуп заурядностям, всегда в истории подвластным, теперь же пришедшим властвовать. Отсюда, во-первых, следует, что ранее в истории масса, хотя и давала о себе знать (это мыслитель, пусть и неявно, но склонен признавать, анализируя закат римской античности), но никогда еще не имела столь легитимных социальных позиций. «Век толп» или, по Ортеге, «век самодовольных недорослей», «из-

⁵ Там же. С. 142-143.

⁶ Ясперс К. Там же. С. 148.

⁷ Там же. С. 144.

⁸ Ортега-и-Гассет. Восстание масс // Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 311. В тексте книги данная фраза выделена курсивом, принадлежащим самому автору.

балованных детей», «взбесившихся дикарей» – это действительно XX век. И второе: философ доказывает, что приход «новоявленных дикарей» – законный, т.е. неизбежный плод нашей цивилизации⁹.

Чем обусловлено последнее заключение? Философ указывает несколько причин. Одна из них довольно формальна – небывалый численный рост населения, начавшийся еще в девятнадцатом столетии и продолжающийся в двадцатом, так что подъем массы просто количественно сопровождает данный процесс. Другая – утверждение либеральной демократии, легализовавшей возможность почти любой социальной и этической позиции, вплоть до откровенного паразитизма. В качестве же главного философ полагает прогресс техники, позволивший столь «облагодетельствовать» некоторые общественные слои, что сами истоки этого благополучия стали ими восприниматься как разумеющаяся закономерность, из чего происходит и рост потребительских запросов, субъективно объясняющийся ссылкой теми же слоями и на ту же закономерность. Так что с экономической точки зрения, портрет массового человека составляют две основные черты – «беспрепятственный рост жизненных запросов» и «врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь»¹⁰.

С культурологической или, точнее, этической точки зрения «человек массы», в интерпретации Ортеги, заявляет о себе в экспонентальном преумножении нигилизма и аморализма. В эпоху традиционной цивилизации представитель аристократического сословия просто в силу закона наследования обретал социальные привилегии. В XX веке прерогативы аристократии узурпирует масса. Почему? Право аристократа, по крайней мере, закрепляется фиксированной традицией, соответственно иерархии «низшее – высшее», дающей смысл этики долга и подчинения. Масса же порождена экономическим изобилием (примечательно в данном плане суждение философа: «Мы ошибочно полагаем, что жизнь в изобилии полнее, выше и подлиннее, чем жизнь в упорной борьбе с нуждой», поскольку «Жизнь – борьба и вечное усилие стать собой»¹¹). Достигнутый экономический и политический комфорт позволяет современному индивиду не бороться и не становиться собой, достаточно пользоваться тем, что дают – гарантированными возможностями и правами, незачем определять себя в отношении лучших, если демократической экономикой обеспечено ощущение постоянной заботы и защищенности, а современный либерализм позволяет безболезненно нейтрализовать любые культурные содержания, превосходящие понимание толпы и чреватые опасностью к размышлению. Тем самым обуславливается ситуация самодостаточности и самодовольства, «герметизма сознания», «закупорки души», препятствующей воздействию извне (в этом случае позиции и социальных психологов, и философов, причем развиваемые независимо друг от друга, поразительно сходятся, вспомним учение Фромма о замкнутости авторитарной личности на собственное Я).

Забвение причин собственного благополучия определяет абсурдное состояние духа массы: ее заботит только удовлетворение запросов при полном отсутствии интереса к источникам своих благ. Данная социальная позиция является поводом для интенсификации нравственного нигилизма и аморализма. С другой стороны атрофия творческих позитивных способностей ведет к пассивности и понуждает поиску лидера, а потому масса становится легкой добычей авантюрных политиков и тоталитарных диктаторов, в частности и со стороны фашизма, с которым у нее устанавливается взаимовыгодный контакт. Во власти и феноменах государства человек массы усматривает безликую силу, а поскольку сам безлик, то естественно считает его своим. Финал складывающейся ситуации, по Ортеге, плачевен: масса разрастается, вместе с ней крепнет власть, которая в конце концов, подавит всякую самостоятельность, общество окажется принужденным к жизни для государства, а индивид станет частью государственной машины¹².

Теперь яснее становится причина остроты постановки проблемы, выраженная у философа понятием «восстание масс». Массы, в той или иной форме (философ открыто

⁹ Ортега-и-Гассет. Там же. С. 336.

¹⁰ Там же. С. 319.

¹¹ Там же. С. 334, 335.

¹² Ортега-и-Гассет. Там же. С. 344, 345.

на данный счет не делает заявлений, но контекст позволяет это вычитать) почти всегда существовали как сопутствующий элемент культуры. Однако заурядности, а это сущностное качество массы, всегда указывали свое адекватное место второстепенного статиста истории с соответствующими же социальными границами. Особенность нашего времени даже не в том, что посредственность способна мнить себя незаурядной, но в том, что впервые получила санкцию на возведение собственной пошлости в право и тем самым утверждать свое право на пошлость. Нынешняя культура впервые вывела на историческую сцену новый человеческий тип – воплощенную посредственность, чье существование подкрепляется материальными и правовыми гарантиями, как следствие – убеждением в собственном превосходстве. Если человек массы получил равные права с созидающей личностью, должный уровень материальной обеспеченности, отсюда один шаг до того, чтобы ограниченность оказалась в состоянии квалифицировать свое положение как привилегированное, откуда совершенно логично проистекает и ощущение собственного превосходства (как горько шутят современные американцы: хочешь иметь абсолютную социальную защищенность – родись негром или инвалидом; кстати, Америку не забывает и Ортега, когда, в частности, пишет: «Америку создали европейские излишки»¹³).

Собственно, сам смысл «восстания» заключается в бунте массы против своего логического (трудно сказать – культурологического, поскольку культура иногда действует вопреки логике, по своим иррациональным мотивам, а испанский философ стихийно исходит из логики классического рационализма) предназначения – подчиняться и исполнять. Определенные возражения здесь вызывают предложения философа к интерпретации бунта как восстания масс против себя. Последнее опять же верно только с логической точки зрения, к чему масса глубоко равнодушна. С позиций рационализма это действительно «преступление понятия», но в постмодернистской философии данный феномен вполне оправдан, точнее, ассимилирован по смыслу, ввиду философской, т.е. общечеловеческой потребности построения нового и адекватного мировосприятия, куда укладывается и ризоматическая схема культуры Делеза, закреплённая идеей деконструкции Дерриды. Ее смысловое наполнение все же сопровождается протестом – оно происходит более извне, нежели изнутри, масса бессодержательна, поэтому снабжается «поверхностью» внешнего соотношения в общих понятиях системы и элемента, сама же масса лишена внутренних генераторов смысла. Феномен таковой внешне данной поверхности получает дальнейшую разработку в понятиях «поверхности» знака, в частности, симулякра.

Х. Арентт: «Истоки тоталитаризма»

Объемный труд (насчитывающий почти 700 стр.) немецкой исследовательницы, основоположницы теории тоталитаризма, ценен в плане анализа соотношений массы и тоталитарной власти. В противовес сторонникам признания тоталитаризма как явления, сопровождающего всю историю человеческого общества (например, К. Поппер усматривает его истоки в учении Платона о власти), немецкая исследовательница связывает тоталитаризм с рождением индустриального общества. Ее исходный тезис: тоталитарный режим, несмотря на откровенно антигуманистический характер, строится на поддержке масс и обязан ей своей функциональностью. Как специфический факт XX столетия Арентт подчеркивает трансформацию классов в «массу». Феноменом массы является «толпа», происхождение которой связывается с ростом экспансии экономического капитала: «Еще более старым, чем излишнее богатство, был другой побочный продукт капиталистического производства – человеческие отбросы, которые каждый кризис, неизменно следовавший за периодом подъема, навсегда выкидывал за пределы производящего общества. Ставшие навсегда праздными, люди были столь же лишними для общества, как и владельцы излишков капитала»¹⁴.

Толпа в данном случае интерпретируется в экономико-политическом модусе. Излишнее богатство империализма, равно как и избыточная рабочая сила оказались в ситуации взаимной дополнительности: капитал нуждается в расширении сферы вложения, толпа – в своем применении со стороны капитала в качестве потенциальной производственной силы данной сферы. Империализм вырастает одновременно и как результат из-

¹³ Там же. С. 314.

¹⁴ Арентт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. С. 219.

быточных денег, и как лишних людей. При этом исследовательница предостерегает от смешения понятий толпы и рабочего класса: «толпу нельзя было отождествлять с растущим индустриальным рабочим классом и уж тем более — с народом в целом», поскольку она состоит «фактически из отбросов всех классов»¹⁵. Существование толпы вызывается к жизни не равенством, но «уравниванием», возможностью чего является примерно одинаковая для всех социальных агентов потребность в материальной обеспеченности и их качестве. Субъект толпы – это социальный изгой, лишенный возможности к самовыражению и самореализации.

Элиминация из сферы социально полезной деятельности огромного количества населения служит основанием порождения тоталитаризма XX века. На смену толпе, порождаемой десоциализацией (согласно Арендт, толпа вбирает в себя осколки любого социального сословия, объединяемых усугубляющимся деморализмом, цинизмом и пристрастием к уголовщине), приходит общество масс, консолидируемое иными нормативами, определяемыми восприятием себя в качестве новой социальной правомочной целостности, со своими интересами и убеждениями, вписанными в структуру так называемых демократических свобод. Как подчеркивает исследовательница, «Массы соединяет отнюдь не сознание общих интересов, и у них нет той отчетливой классовой структурированности, которая выражается в определенных, ограниченных достижимых целях. Термин «массы» применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых по причине либо их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе в политические партии, либо в органы местного самоуправления или различные профессиональные организации или тред-юнионы»¹⁶.

Тем самым, масса у Арендт приобретает окраску чистой негативности, социально аморфной материи. Если некоторые мыслители предлагают понимание массы в терминах реализуемой потенции (например, Тард квалифицирует «публику» по признаку готовности к восприятию исходящих от лидера идей, имеющих «гипнотическое» воздействие, для Фромма масса – социальный продукт, лишенный собственного содержания, в виду чего ею и усваиваются внешние идеологические влияния), то Арендт предлагает понимать массу как своеобразную «*tabula rasa*», снабженную лишь параметрами отрицания, среди которых равнодушие, безразличие, деморализация, деструктурированность, деполитизированность и т.д. Именно из таких «явно безразличных людей, от которых отказывались все другие партии как от слишком вялых или слишком глупых и потому недостойных их внимания», составляется масса¹⁷.

Важная констатация, делаемая в данном случае исследовательницей: в наше время не народ, движимый наличными интересами, привлекается к политическому управлению и активному в нем участию, но масса, покупающаяся на привлекательный идеологический продукт. В массе, в отличие от той же толпы, отсутствуют «нормы и жизненные установки господствующего класса», равно как и установки любых классов, т.е. субъект массы не только деклассирован, но и деполитизирован (один из признаков массы – отсутствие коррелятивов с политическим представительством; если народ выступает за правительства, то масса просто – за сильную личность) и деидеологизирован (можно бы добавить и десоциализирован, если бы не одно значительное «но» – массы в XX столетии все более делаются объектами политических игр и манипуляций, тем самым вовлекаясь в общественную жизнь, пусть всего лишь в роли орудия и средства). Подобные личности составляют потенциальный материал тоталитарных движений, дают уверенность в силе их организации, преодолевающую видимые нестроения реальности. Они легко управляемы, поскольку утрата связи с реальным миром делает их восприимчивыми к любому вымыслу. Становясь частью тоталитарного движения, элемент массы входит в состояние анонимности, «бытию в качестве номера» и винтика.

В определении Арендт масса не тождественна «классу», поскольку она мульти-социальна по составу. Будучи «побочным продуктом» прогрессирующей экономики (имен-

¹⁵ Там же. С. 225.

¹⁶ Там же. С. 414.

¹⁷ Арендт Х. Там же. С. 415.

но этот момент подчеркивает исследовательница), масса представляет собой благоприятную среду для возникновения тоталитарных режимов, комплементарно дополняющих друг друга. Солидарно с социальными психологами Арндт полагает истоком массовой психологии не природную предрасположенность, но социальную изоляцию и поражение в способах коммуникации и общественного признания, что имеет под собой опять же социально-экономические корни.

Неомарксизм о массе: Г. Маркузе

Представители франкфуртской школы неомарксизма также настаивают на логической неизбежности рождения массы в современном мире, хотя их теоретические выкладки строятся в совершенно ином ключе. Истоком массового сознания ими признается развитие и укрепление гуманистических умонастроений, начиная с идеалов Просвещения и заканчивая реализацией принципов европейской демократии. Борьба за эмансипацию индивида в результате и привело к триумфу «толпы». Собственно сам контекст анализа очерчен Адорно в работе «Диалектика Просвещения». Отталкиваясь от дискурсивных позиций классики (Канта, Гегеля) автор переосмысливает стратегии реализации принципов рациональности применительно к XX веку. Классический дискурс, в наложении на современную феноменально данную реальность, оказывается недееспособен, «трансцендентальный» разум уже не актуален как средство дискурсивных конструкций, он функционирует лишь как оператор фиксации и различения предпосылаемых административной (тоталитарной) системой целей. Буквально: «сохраняется то, что понял идеализм: в качестве труда деятельность духа совершается и осуществляется индивидами; в своем осуществлении индивид низводится к функции»¹⁸. Репрезентантом современности служит факт разрыва дискурсивного и феноменального, смысл генерируется субъективностью, но уже для современности явное доминирование субъекта дисквалифицирует вопрос о смысле, из чего логически проистекает нынешний нигилизм или экзистенциалистский «соблазн искать смысл не в жизни вообще, а в ее осуществленных мгновениях»¹⁹.

Большого внимания в контексте направленности нашего исследования все же заслуживает нашумевший труд Г. Маркузе «Одномерный человек» (1964 г). В отличие от Адорно, строящего методологию анализа нынешнего общества в терминах ретроспекции (к немецкой классике – Канту и Гегелю), Маркузе предпочитает классический марксистский дискурс (к чему добавляется, но в меньшей степени, фрейдистская методология), что и позволяет стать ближе собственно к предмету современной социальной «материи» – массе. Сам термин «масса» фигурирует в тексте не часто, но совершенно очевидно, работа сориентирована именно на прояснение сущности этого концептуального для современности феномена. Так, в конце работы, автор делает неутешительный вывод: подлинное самоопределение индивида достижимо лишь в случае обратного распада массы на личности (подчеркнем, до Маркузе масса еще фиксировалась в ранге потенциальной угрозы для личности, в отношении которой она вторична, в условиях преодоления классовой стратификации масса оказывается уже первичной для самоопределения личности).

Маркузе уже имеет дело со свершившимся фактом «омассовления» и характеризует его как феномен современного общества «демократической несвободы». Маркс оказался прав в предсказаниях о исчезновении классов, но чем в действительности обернулось это предвидение? Появлением массы, причем без революций и экспроприаций средств производства. Коммунистическая идея предполагала устранение классовых антагонизмов за счет продвижения пролетариата «вверх», к рычагам власти, что должно было обеспечить и условия социального освобождения. На деле же нивелировка стратификационных различий произошла методом смещения «вниз» – в плоскость единообразного (демократия означает же равенство прав и свобод!) подавления и изолированного тотального контроля, объектом которого и становится масса. Естественно, при этом «сам механизм, привязывающий индивида к обществу, изменился, и общественный контроль теперь коренится в новых потребностях, производимых обществом»²⁰.

¹⁸ Адорно Т.В. Негативная диалектика. М., 2003. С. 182.

¹⁹ Там же. С. 338.

²⁰ Г. Маркузе. Одномерный человек. Электронный ресурс: <http://enatramp.narod.ru/pervoistochnik.files/man.files/mano.html>

В новой ситуации, как полагает автор, традиционный марксистский подход к интерпретации социальной реальности по ряду показателей требует серьезных корректировок. В первую очередь, это касается понятия «отчуждения». Собственно, здесь дело даже не в том, что утонченные формы общественного контроля в состоянии подавлять индивидуальные формы протеста и недовольства в самом зародыше, а в том, что сам индивид добровольно отождествляет себя со способом жизни, искусно насаждаемым властью. Новые возможности власти, в свою очередь, обеспечены достижениями науки и технологии, позволяющими повысить производительность труда, сократить физические затраты, достигнуть высоких уровней удовлетворения человеческих потребностей, причем настолько, что уже технологии сами продуцируют новые потребности, но не подтягиваются к удовлетворению сложившихся, как было ранее. Следствием является стандартизация и унификация различных граней общественного бытия (снимающая поводы для «отчуждений») – от бытовых до политических, обслуживаемых и управляемых системой технологического рационализма, а формы господства, выражаемые средствами открытого насилия и подавления сменяются «администрированием».

Таким образом, складываются новые формы социальной дифференцированности, в которых антагонизм умело камуфлируется (ввиду чего роль идеологии только еще более возрастает). С одной стороны – аппарат административной власти, с другой – масса, подлежащая стратегическому управлению и контролю. Маркузе неоднократно подчеркивает, в нынешнем обществе «благополучия» и «умиротворения» мера несвободы – «в смысле подчинения человека аппарату производства – закрепляется и усиливается, используя технический прогресс как свой инструмент, в форме многочисленных свобод и удобств»²¹.

Иными словами, с позиций неомарксизма, социальное угнетение продолжает сохраняться, но в более рафинированном варианте – усвоении статуса инструмента или вещи, освобождение от которого не эффективно исторически устоявшимися методами силового противодействия, ибо им противостоит мощная конструкция новой идеологической суггестии. Изошренность современной идеологии в том, что она создает иллюзию свободы у несвободных, так что желание свободы исключается, поскольку по видимости просто нечего желать. В самом деле, логично ли протестовать против демократически конфигурируемой власти, призванной повседневно заботиться о своих подопечных, причем таким образом, что потребности ей самой предлагаются и тут же предоставляются средства их обеспечения (вспомним параллельную метафору массы у Ортеги-и-Гассета – «избалованный ребенок»)? В данном положении исследователь усматривает «репрессивную идеологию свободы», обозначая таким парадоксальным способом иррациональность современной ситуации, которая также парадоксально реализуется с позиций Разума – всепроникающего исчисления и манипулирования субъектом.

Заметим, Маркузе намеренно акцентирует парадокс *concordia oppositorum* развитой индустриальной цивилизации, например, квалифицируя ее как воплощение рационального характера ее иррациональности²², или подчеркивая функцию либеральной демократии в служении репрессивным интересам, но особенно – фактор порабощения человека человеком, усиливающийся по мере роста покорения человеком природы, хотя привычная логика и отталкивается от противоположного. Следует учитывать, что Маркузе, как бы он ни был привязан к анализу современной неклассической действительности, все же рассуждает с позиций рационально центрированной статики понятий, присущей классическому дискурсу, т.е. с позиции трансцендентального «извне», которое, накладываясь на реальность, и высвечивается всевозможными алогизмами, т.е. парадоксами в плане их оценки средствами логики «единства и борьбы противоположностей». Представляется также существенным подчеркнуть, что взаимоуничтожение противоборствующих сил современного общества, осуществляемое «на более высоком уровне, – в общих интересах, направленных на защиту и укрепление достигнутой позиции, на борьбу с историческими альтернативами»²³, как отмечает философ, уже не является диалектиче-

²¹ Маркузе Г. Там же.

²² Маркузе Г. Там же.

²³ Там же.

ским «снятием», что в целом видно и из фиксаций алогизмов, однако специальный термин, эвристически пригодный для данной ситуации, Маркузе не предлагает, видимо, просто не ставя себе это задачей.

Несомненно, всяческие алогизмы и диссонансы в отношении к рациональной истине, оценочно формулируемые автором на протяжении текста работы, возможны в рамках классического дискурса рациональности (хотя, и в самом неомарксизме также намечается предпосылка «деконструкции» Разума, скажем, в той же «Диалектике Просвещения» Адорно), становящегося все менее востребованным в XX столетии. Тем не менее, данный подход пока позволил неомарксизму если не предложить строгие дефиниции, но четко обозначить одну из ключевых проблем современности – деформирование индивидуального сознания, нивелировку частного всеобщим, вторжение в сферу свободы личности под эгидой защиты демократических прав и свобод и прояснить основания производства нового социального явления «массы». Для Маркузе масса в феноменальном выражении оказывается итогом тотальной интеграции – преодоления природного разумным, индивидуального всеобщим (чему способствует специфический язык мифологических гипостазируемых терминологий – умереть за Свободу, Отечество, за чем скрывается частный прагматический интерес промышленников и партийных лидеров), что для современного человека оборачивается новой формой порабощения. Иначе говоря, массовость есть состояние пребывания в несвободе, причем состояние добровольное ввиду искусно завуалированного его преподнесения со стороны власти – в том числе под предлогом утверждения демократического «равенства» и повышения благосостояния жизни, удовлетворения растущих (точнее, умело культивируемых) социальных потребностей. Удовлетворение потребностей рождает появление новых, стимулированных возможностями науки и техники, тем более возрастает мера зависимости и степень несвободы.

Тезисно идея Маркузе сводится к утверждению: к массе относится социальный конгломерат, потенциально готовый к употреблению в качестве «инструмента» или «вещи» со стороны структур, наделенных силой и способностью к действию, подчеркнем – применимый как материал реализации любых идеологических стратегий, более того, поскольку лозунг «хлеба и зрелищ» ныне востребован массой с акцентом на второй компонент классического высказывания (хлеба уже хватает всем, биологически обусловленные потребности удовлетворены, остается чистая потенция желания), масса, по сущности, это «желающее ничто», по смыслу сходное с понятием поглощающего бытия «Ничто» у Августина Аврелия.

Каков, вкратце, вклад философии в разработку комплекса представлений о сущности массы? Во-первых, это дополнение теории положениями о социально-экономических и культурных предпосылках ее (массы) становления в современной истории. К таковым, в целом, философы относят: в материальном отношении – в качестве потенциального фактора сказывается появление на рынке труда лишнего контингента рабочей силы в связи с развитием промышленных технологий, укрепление материально-экономической базы общества, прогресс науки и техники, предоставивший возможность удовлетворения экономических потребностей даже для «избыточного» (экономически не продуктивного) слоя народонаселения. Больше внимание в исследованиях отводится *духовным* основаниям феномена: усвоение обществом идеалов либеральной демократии (заложенных эпохой Просвещения), переход от постулатов веры к могуществу разума и постепенное утверждение принципов всеобщего равенства и гуманистической заботы о каждом социальном слое, независимо от степени его реального участия в общественно продуктивной деятельности.

Во-вторых, это разработка нравственного содержания менталитета массы. Начиная с Ницше, мораль массы объясняется как производное от ее оппозиционного положения в отношении к смыслообразующим идеологическим структурам, что отражается в принципе *ressentiment* у Ницше, постулировании нигилистической «анти» – позиции по теории Ясперса, качествах отрицания – равнодушии, безразличия, инертности, компенсируемых негативизмом к конструктивным элементам социальной системы («представительные члены общества – болваны», «все власти ...одинаково глупые и мошеннические») у Арендт. Как видно, после Ницше острота его суждений лишь смягчается, но сохраняется по сути. Если же иметь в виду компоненты характера массы, прорисованные в

социально-психологическом дискурсе, то и спроецированные в философский контекст они практически не находят опровержений или значительных корректив, но только приобретают по-философски более акцентированное выражение.

Главное: анализ рассмотренных текстов дает возможность представить картину соотношений достаточно различных понятий, так или иначе соотносимых с концептом «массы» и выстроить если не детально структурируемую схему, то хотя бы общий абрис их эволюционной комбинации.

Итак, XX век выдвинул значимое социальное образование – «массу» и придал ей легитимный статус. Со второй половины столетия «человек массы» не только укрепляет суверенитет, но и получает форму целенаправленного воспроизводства средствами власти, что стало предметом размышления уже в философии постмодернизма.

Список литературы

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
2. Бычков В.В. Эстетика. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 588 с.
4. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
5. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
6. Маркузе Г. Одномерный человек [Электронный ресурс] // URL:

<http://enatramp.narod.ru/pervoistochnik.files/man.files/mano.html>

PHILOSOPHICAL TRADITION OF SOCIAL MASSES STUDIES

S. N. GRIBOV

Tula State University

e-mail: serg45@inbox.ru

The phenomenon of social masses in a modern society and culture is analyzed in the context of works of the largest philosophers and thinkers of the XX-th century (K. Jaspers, Ortega-i-Gasset, H. Arendt, G. Markuze). The welfare reasons of manufacture of social masses, mechanisms of interaction of the political power and masses are specified in the paper.

Key words: social masses, nihilism, legitimate position, amoralism, political power.